

САДЕК
ХЕЛАНТ

СТЕРВЯТНИКИ

Керосиновая лампа на полке в нише задымила, но женщины, сидевшие на подушках, не замечали этого. Одна из них, одетая в черную чадру и сидевшая на почетном месте, была, видимо, гостьей. Она чуть покачивала головой и то и дело вытирала нос большим платком. Другая, в домашней, защитного цвета чадре, плотно натянутой на лицо, притворно плакала.

Дверь отворилась, вошла женщина с распухшими от слез глазами — это вторая жена принесла кальян, поставила его перед гостьей, а сама села поодаль. Женщина, сидевшая около гостьи, вдруг разрыдалась, начала рвать на себе волосы и бить себя в грудь:

— Дорогая моя Биби-ханум, ведь это был не муж, а жемчужина! — кричала она. — Клянусь, я не ценила его! Он ни разу, ханум, мне «ты» не сказал... О мой бедный муженек! Он не умер, а сгорел, его убили.

Чадра сползла с головы, выкрашенные хной волосы упали на лицо, женщина свалилась на подушку и лишилась чувств.

Не выпуская изо рта трубку кальяна, Биби-ханум обратилась к пришедшей:

— Наргес-ханум, не найдется ли здесь куска шпукатурки¹ и розовой воды?

Наргес очень спокойно поднялась, достала с верхней полки бутылку розовой воды, подала ее гостье и шепотом сказала:

— Все эти обмороки — одно притворство. Когда умирал Мешеди Раджаб, она успела стянуть у него из кармана часы.

Биби-ханум растерла больной руки, дала понюхать розового настоя, и та пришла в себя. Поднявшись, она проговорила:

— Видишь, какие беды свалились на меня? Сегодня утром Мешеди, сидя на кровати, говорил мне: «Закури папироску и дай ее мне». Я дала ему папироску, он покурил, и ему стало плохо. «Ну, — сказал он, — я умру, но что мне делать с тобой, как отблагодарить тебя?» — «Дай бог, чтобы ты подольше жил, — ответила я ему, — мне ничего не надо». — «Что касается Хасана, то за него я не беспокоюсь — он устроит свою жизнь, а вот за тебя, — сказал мне Мешеди, — у меня сердце болит, жалко мне тебя. Если хочешь, напиши, что я завещаю тебе дом, я подпишу».

— Не расстраивайся, Маниже-ханум, дай бог, чтобы твой сын был здоровым. — Биби-ханум глубоко вздохнула и протянула вдове кальян. Маниже взяла трубку, и при этом движении на ее запястье сверкнули золотые браслеты.

— Нет, проговорила Маниже, — без Мешеди Раджаба я не могу жить на свете. Я бедная, беспомощная женщина, долгов у меня — по горло, да и сын сейчас не в городе. Нет, не могу я оставаться в этом доме. Здесь даже этот коврик — не мой, а принадлежит бедному сиротке. Когда Мешеди был при смерти, он просил меня: «Разыщи ключи, а то чего доброго кто-нибудь ими завладеет».

Наргес, сидевшая у дверей, тихонько всхлипывала.

— Да, ханум,—заговорила снова Биби-ханум,— хороший человек был Мешеди Раджаб, помилуй его бог на том свете! Неделю назад я зашла к нему в лавку купить для ребенка Рокийе лекарство; да простит его аллах, сколько я ни настаивала, он даже не взял у меня денег. «Как, — говорит, — я могу брать деньги у такого человека...» Чем же он болел, что так быстро растаял?

— Три дня и три ночи я не смыкала глаз. Я, ханум, неотступно сидела у его кровати. Ходила

в мечеть Джаме за заклинанием против возбуждающих снов. Приводила к нему лекаря. Тот сказал, что больной переел холодной пищи, и поэтому велел прикладывать к животу Мешеди согревающие средства. Я сделала ему настой из воловика, давала маковку и анис, цвет ворсянки, ветреных ягод, померанцевых листьев и другие травы. Два дня ему было лучше. Сегодня утром, когда я подошла к его кровати, Мешеди протянул руку к моим локонам и сказал: «Маниже, ты много для меня сделала, и если я чем-нибудь тебя обидел, то прости меня, сними с меня грех. Если я при жизни твоей взял другую жену, то сделал это для того, чтобы у тебя была служанка...» — и он еще раз попросил очистить его душу. Тут я набросилась на него. «А ну, поднимайся, вставай, — крикнула я. — Чего распустил нюни, как баба? Иди в лавку, займись делом». Дорогая ханум, вышла я на секунду вздремнуть, а вместо себя к Мешеди послала Наргес, чтобы она побыла около него. Но, милая ханум, клянусь своим единственным сыном, что не вру, — около полудня я проснулась и вижу, что ему стало хуже. Подумай, за один час, на который я отлучилась, он так изменился.

Биби-ханум вытерла нос платком и многозначительно кивнула головой.

В разговор вмешалась Наргес:

— С больной головы да на здоровую! Ври, да знай меру. Пока он, прости его аллах, был жив, ты жаждала его крови, а теперь вдруг он стал тебе таким дорогим? Я-то знаю, как ты над ним издевалась. Биби-ханум, пусть будет проклята моя молодость, если я говорю неправду, только я и ухаживала за Мешеди, а она ела да спала. Ишь, хочет свалить все на меня. Я, видите ли, убила его! А почему не ты? Ведь ты держала в своих руках ключи, всем командовала, а меня выставила за дверь.

— Какая наглость! — возмутилась Маниже. — К тебе же никто не обращался, а ты, как горох в похлебке, суешься во все разговоры. Знаешь что, паршивая девчонка, у тебя еще молоко на губах не обсохло, я с тобой церемониться не буду.

— Помолитесь богу, пошлите проклятье шайтану. Наргес-ханум, уйдите отсюда, — сказала Биби-ханум.

Со слезами на глазах Наргес вышла.

— Если моя жизнь была счастьем, то ослиную жизнь можно назвать раем. Один бог знает мои мучения. Полюбуйтесь, как я живу! Ну разве я могу оставаться в одном доме с этой цыганкой?

— Не обращайтесь на нее внимания, это подействует лучше, чем сто плетей, — ответила гостья.

Маниже продолжала прерванный разговор:

— Так вот, ханум, я была у бассейна и вижу: Наргес бьет себя по голове и кричит: «Идите сюда, Мешеди умирает!» Ханум, чтоб вам не знать горя, побежала я, вхожу в комнату, гляжу, Мешеди извивается, как змея, тяжело дышит, запрокинул голову, стиснул зубы, побледнел, как кислое молоко, нос его вытянулся, как палка, дыхание сперло. Я побежала за зеркалом и поднесла к его губам. Что со мной было! Я била себя по голове, рвала на себе волосы. Не приведи господи никому такое. Потом я размешала в воде немного святой земли, которую вы привезли из Кербелы, и хотела напоить мужа, но невозможно было разжать зубы, и святая вода текла мимо рта. Я закрыла ему глаза, подвязала челюсть и послала за Шейхом Али. Выдав наличными двадцать туманов, я поручила ему похоронить Мешеди Раджаба. Тело покойного, ханум, не пролежало и двух часов. Сейчас его, должно быть, уже похоронили.

Маниже передала кальян Биби-ханум.

Кивнув головой, гостья вновь завела разговор:

— Каким добрым человеком он был, царство ему небесное. Быстро дух его отлетел, пусть он удостоится милосердия аллаха. А наш-то покойник ведь несколько дней пролежал!.. А

сколько лет, ханум, было Мешеди Раджабу?

— Клянусь жизнью, он был еще молодым, довольно крепким. Бывало, вспоминал, что, когда убили шаха, ему было сорок лет, а с тех пор лет двадцать, наверно, прошло. Мужчина в пятьдесят — еще молодец. Он был, что называется, мужчиной в соку. Это Наргес дала ему что-то съесть. Порази меня бог вместо него! Ох, надоела мне эта жизнь...

— Не в обиду вам будь сказано, ханум, ему повезло, что тело его не залежалось дома. Бог очищает и превращает в прах праведных. А вот грешников-то мы оставили в живых! Да простит аллах всех рабов своих!

— Пришел Шейх Али и просит пять туманов на погребение, — сообщила Наргес, войдя в комнату.

— Если горшок с пищей не прикрыт, разве можно ждать от кошки стыда? Стервятники почуяли добычу: пользуйся случаем, сдирай шкуру! И Шейх ищет только повод, чтоб меня обобрать. Деньги-то принадлежат сиротке. Никто из собутельников Мешеди Раджаба и семи шагов не прошел за носилками покойника, а ведь раньше как мухи около сладкого вертелись! Вчера навевывался Юзбаши, все возмущался: «Разве это уход за больным? Почему ему не сварили рисовой каши с овощами, не пригласили хорошего лекаря?» А сегодня я посылала за этим Юзбаши — просила помочь, мужчин-то у нас нет, одни бабы. Так что бы вы думали? Не пришел! У него, видите ли, тяжба в суде! — И, повернувшись к Наргес, Маниже проговорила: — Что нужно этому Шейху Али? Пусть войдет.

Взяв кальян, Наргес удалилась из комнаты, а вдова опять принялась рыдать:

— Мой бедный муж! На кого он меня покинул! Что мне делать?! Лютая зима на носу, а я одна с ребенком, ни вещей, ни денег, ни угля, ни жизни!

Вошел Шейх Али в большом тюрбане и высокопарно заговорил:

— Мир вам! Да хранит вас аллах, пусть здравствует ваш сын, да не уменьшится ваша тень над нами, царство небесное покойному. Как он был расположен ко мне! Кто меня теперь утешит? Но что поделаешь, ханум, все мы ходим под богом, без воли господа лист с дерева не упадет. Придет и наш черед. Такова уж судьба человека, которую мы, ничтожные, не в силах предотвратить. Если бы вы, ханум, знали, как осторожно несли его на кладбище!

— Царство ему небесное, осторожно несли его на погребальных носилках, — эхом повторила Биби-ханум.

— Ну, а покойника-то похоронили? Кончили свое дело? — спросила Маниже Шейха Али.

— Извините, ханум, если я побеспокою вас пустяком, но должен сообщить, что не хватило пяти туманов. Это как раз те деньги, которые нужно заплатить могильщику.

— Что же, выходит, вы бросили покойника возле могилы на произвол судьбы?

— Нет, ханум, там могильщик.

— Беда тому, у кого нет заступника, — вставила Биби-ханум.

— Откуда я возьму деньги? Если вам скажут, что у Мешеди было сто динаров, не верьте — все вранье. Даже этот коврик, который у меня под ногами, принадлежит отпрыскам Наргес. Разве ты не слышал, что молодая женщина при старом муже корзинами выносит добро? Помилуй бог, она скопила целый мешок всякой всячины! Почему у нее не просите денег? Что у меня, сокровища Каруна?² Я беспомощная, бедная женщина, и ничегошеньки у меня нет. Ну где мне взять денег? Впрочем, ладно, поторапливайтесь и пишите расписку, а то чего доброго найдется любопытный, который захочет навести ревизию.

— Дай бог, чтобы не уменьшилась над нами тень ваша! Разумеется, наша служба тоже не будет забыта... Слушаюсь, повинуюсь сию минуту, — подобострастно говорил Шейх Али. Он сел на корточки, что-то написал на клочке бумаги и передал Маниже. Она достала кошелек, висевший у нее на шее, взяла из него несколько ассигнаций, по одной передала их Шейху Али,

на их место положила расписку и вновь принялась сетовать:

— Я старая женщина, с трудом скопила сто динаров, думала поехать на поклонение святым местам. Кто мне теперь даст денег? На какие средства я устрою поминки сейчас, и кто мне даст денег на поминки в ночь на седьмой день?

— Не беспокойтесь: пока я при вас, бояться нечего. Я все беру на себя. Ведь я так обязан Мешеди. Не забывайте меня, — сказал Шейх Али и ушел.

— В день смерти ведь не ночуют в доме, где лежит покойник. Поэтому хорошо, что его быстро унесли, — заметила Биби-ханум.

— Хоть бы и меня с ним унесли, не житье мне на этом свете. Подумайте только, я уже израсходовала пятьдесят туманов. И все это из моего кармана. Как я могу теперь жить в этом доме с Наргес? Вы не представляете себе, какая она вредная.

И, оглянувшись, Маниже пробормотала: «Спаси, господи, вот и ее черт несет. Незванный гость. Да еще ведет пройдоху-мамашу.»

Дверь отворилась, вошла Наргес со своей матерью.

— Здравствуйте! Так пахнет керосином! Вы что, не люди, сидите и не чувствуете?

Наргес уменьшила огонь в лампе. Биби-ханум почтительно приподнялась перед матерью Наргес и снова села. Опустив голову, Наргес начала плакать. Ее мать, полная седая женщина, утешала дочь:

— Не надо так плакать! Бог все равно не простит. Он видит, что ты и твои дети в этом доме одиноки, обижены. Здесь все — тетки и племянницы, а вы — чужие и незаконнорожденные. В конце концов и ты должна получить что-то на жизнь. Должен же кто-то овдоветь, если даже Омм-оль-Бани³, да паду я за нее жертвой, стала вдовой. Береги себя и не давай растаскивать вещи.

Наргес со слезами на глазах вышла из комнаты.

— Знаете, что я вам скажу, — обратилась старуха к Маниже, — я не ива и эти ветры меня не поколеблют. Один раз умирают, один раз и оплакивают. Раз уж он умер, да простит его аллах, я должна устроить дела моей дочери. Ей с тремя детьми мал мала меньше нужно чем-то кормиться. Вот я и хочу, чтобы сегодня же ночью опечатали все двери и книги. Хотя бог и не оставляет рты без пищи, но, пока вырастишь этих сироток, хвост верблюда вытянется до земли. Вам нужно как можно скорей назначить уполномоченных истцов.

— Разве я должна все делать? Разве я сказала, что не нужно опечатывать? Плохо я сделала, что все собрала и привела в порядок?! Чего ждет слепой от бога — два зрячих глаза? Вот сами и зовите ахунда и муллу и опечатывайте имущество.

В это время вошла Наргес, принесла чашку чая и, подавая ее матери, сквозь зубы пробормотала:

— Уже поздно, надо было бы раньше об этом думать.

А Маниже, обернувшись к Биби-ханум, начала возмущаться:

— Какая мерзость! Это просто ужасно! Господи, мало было ее одной, так нет, привела с собой мамашу! Ведь еще три часа назад был жив ее муж! Тьфу, стыд и позор! Мешеди сам завещал мне ключи, он не хотел, чтобы они попали в руки всяких низких бабенок. Можете сейчас же идти за нотариусом и опечатать все имущество. Пожалуйста, я тут же передам нотариусу ключи. Минуту назад приходил Шейх Али и вырвал у меня пять туманов. Я бедная, замученная, несчастная женщина. На всех семи планетах у меня нет ни одной звезды! Я этому дому всю свою жизнь отдала. На носу тяжелая зима. Ведь старалась-то я ради покойного, да простит его аллах. А не то я бы уже давно, пусть раздетая, разутая, но покинула бы дом. После Мешеди стены и двери этого дома для меня чужие, холодные. Трое суток я не знала покоя, а когда все кончилось и Мешеди умер на моих руках, гляжу, его любимая Наргес-ханум, словно

пьяный павлин, вошла в комнату и начала притворно убиваться по нему. Я и закрыла со злости дверь комнаты.

— Ладно, ладно, — перебила ее Наргес, — дверь ты прикрыла, положим, чтобы сподручнее было растаскивать вещи. У лжеца память коротка — ты все время говоришь по-разному, запуталась совсем. Это я ухаживала и убирала за Мешеди. Ты ведь спала ночи напролет как убитая. Перед смертью Мешеди по-настоящему-то не болел, он не был лежачим. Да он еще и мертв не был, еще дышал, а ты, чтобы легче было присвоить его драгоценности, уже закрыла ему глаза, все торопилась его похоронить. Ты думаешь, я глупенькая? Ты затем и прикрыла за мной дверь, чтобы вещи прибрать к рукам! И после всего этого бьешь все горшки об мою голову!

Тут Маниже обрушила на Наргес потоки брани:

— Подлая ты бабенка, врешь ведь в глаза. Мне-то что, я просеяла свою муку и сито повесила. Ты лучше о себе подумай. Когда Мешеди был здоров, его всегда можно было найти в твоей комнате. По вечерам, как раз к тому времени, когда он должен возвращаться домой, ты наряжалась, мазалась, красилась и встречала его с распростертыми объятиями, заигрывала с ним и уводила к себе. Ты украла у меня мужа, отравила человека, в доме которого у меня поседели волосы, которому я вырастила красавца сына. Мои деньги — трудовые, заработанные собственным горбом. Ты же ходила к колдунам и отвратила от меня мужа. Если сейчас пошарить в твоей комнате, там найдется немало заклинаний и талисманов. И ты еще хотела, чтобы я меняла Мешеди белье, когда он болел? Если для...

Но ее перебила мать Наргес:

— Будет тебе, слюной собаки море не опоганишь. Лучше заткни-ка глотку, а не то я с тобой живо расправлюсь. Ты что же это, хочешь превратить жизнь моей дочери в ад и вогнать ее в чахотку? Конечно, моя дочь молода, красива, каждый ее волос может очаровать. Мешеди был стар. А кому может не нравиться молодая жена?

— Помолитесь богу, пошлите проклятье шайтану, — взмолилась Биби-ханум.

— Но управляла домом ты, — кричала Наргес. — Все ключи, все ходы и выходы были в твоих руках! Я жегнула на тебя спину, как рабыня. Только ради Мешеди я послушно исполняла все твои распоряжения. Ведь ты каждый вечер его ругала, истязала, и он вынужден был укрываться у меня. Я знаю, ты хотела, чтобы я выгоняла его из своей комнаты, ты хотела затравить его и в конце концов убила-таки. Ты с ним без конца ссорилась, а теперь вдруг он стал дорог тебе!

— Нечего было ему приводить в дом соперницу — вторую жену. Как мужчина сердится, когда ему указывают на недостатки жены, так и женщина злится на вторую жену, которую муж привел в дом. Этот старый осел, пока был жив, тем и занимался, что точил меня, и, уйдя на тот свет, оставил вместо себя — тебя.

— Ты сама виновата. Женщина, не умеющая вести хозяйство и ухаживать за мужем, должна быть готовой к беде — ждать в доме соперницу. Да это все позади, дело прошлое, а вот присваивать наследство сироток — грех. Ведь по-настоящему браслеты на твоих руках тоже принадлежат сироткам. До сегодняшнего утра на тебе был только один браслет, откуда же у тебя два других?

— Воспользовавшись ссорой, эта Наргес хочет поживиться! Двадцать пять лет не покладая рук тружусь я в доме этого человека. А женщина, вчера только пришедшая в дом, не может видеть на мне моих же вещей. Все, что я говорю о нем...

— Ханум, помолитесь, — унимала спорщиц Биби-ханум. — Прикусите языки, это же богопротивное дело! Ведь дух умершего еще слышит ваши слова. Вы сами говорите, что не прошло еще и трех часов после его смерти. Подумайте о его детях.

— Подумаешь — колокольчики у гроба, — родились-то перед смертью отца, — сказала с

пренебрежением Маниже.

— О, горе мне, смотри, покойник! — со слезами в голосе крикнула мать Наргес.

— Родимые, глядите: Мешеди, Мешеди появился! — не своим голосом закричала Биби-ханум и тут же онемела, словно у нее отнялся язык.

Дверь отворилась, и в белом, измазанном глиной саване, с бледным лицом и взъерошенными волосами появился Мешеди. Он встал у входа и прислонился к косяку. Женщины завопили в один голос.

Затем Маниже растерянно сняла с шеи кошелек и вместе со связкой ключей и браслетами бросила к ногам Мешеди:

— Нет, нет, не подходи ко мне! Возьми все это и уходи, ты покойник, покойник... Возьми свои ключи, сто туманов, которые я вытащила из сундука, лежат в кошельке вместе с распиской на пять туманов. Бери и уходи. Пощади меня, уходи, уходи, — крикнула Маниже и спряталась за спину Биби-ханум.

Развязав уголок платка, Наргес что-то достала оттуда и тоже бросила Мешеди:

— Вот тебе твои искусственные зубы и пять туманов, взятые мною у Шейха Али, бери и уходи, скорей уходи, — сказала она и, прикрыв ладонями лицо, бросилась к матери.

— Это те самые зубы, которые стоили Мешеди пятьдесят туманов! — пробормотала Маниже.

Изумленный, с усмешкой на губах, Мешеди ответил:

— Да не бойтесь же, я не умер. Был просто небольшой апоплексический удар, в могиле я пришел в себя.

— Нет, нет, ты умер, уходи, оставь нас в покое! Ведь ты меня не любил, вон твоя любимая жена, — бормотала Маниже.

— Да не умер я. Меня не успели засыпать землей... Я пришел в себя... могильщик замешкался, а я поднялся... и убежал. Добрался до дома Юзбаши... накинул его аба, и он меня привез сюда на дрожках. Вон он стоит во дворе.

— Да... Все это проделки Шейха Али! — со злобой прохрипела Маниже. — Три часа он продержал покойника на земле! Кальян, дайте мне кальян! Ох, заживо погребенный... заживо погребенный!

Заметки

[

← 1

]

Обычную штукатурку прикладывают к носу больного, считая, что она обладает целебными свойствами.

[

← 2

]

Карун — имя богача, упоминаемого в Библии.

[

← 3

]

Омм-оль-Бани — одна из жен Али, первого шиитского имама, погибшего от руки убийц (см. сноску на стр. 121).